

БЛОГЕРША ДЛЯ ИНЖЕНЕРА

НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

Блогерша для инженера

«Автор»

2026

Светлова Н.

Блогерша для инженера / Н. Светлова — «Автор», 2026

Она — блогер, чей мир состоит из хайлайтера, розовых подушек и идеальных сторис. Он — инженер-мотостроитель, который разговаривает с металлом и считает прогиб подвески до миллиметра. Рекламный контракт сводит их в мастерской, где вместо комплиментов она получает замеры длины бедра, а вместо цветов — чертежи. Кажется, они говорят на разных языках. Но что, если он просто не умеет говорить иначе, а она давно забыла, как звучит её собственный голос без фильтров? Тест-драйв их отношений обещает быть жёстким. Но кто сказал, что любовь должна быть удобной?

© Светлова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тест-драйв не пройден	5
Глава 2. Кофе, чебуреки и пустырь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Блогерша для инженера

Глава 1. Тест-драйв не пройден

Я готовилась к этому съёмочному дню так, словно от него зависела судьба человечества. Ну, или как минимум моя карьера.

Идеальный пучок — ни один волосок не смел выбиться из этой величественной картины. Стрелки острее, чем ножи в дорогом ресторане. Комбинезон винтажного оттенка «марсала» сидел так, будто его шили лично на меня, он обнимал каждое достоинство и тактично молчал о недостатках. Сто восемьдесят тысяч моих подписчиков должны были сегодня дружно ахнуть и завалить комментарии сердечками.

Я была готова. Почти.

Вообще-то я не планировала сниматься в гараже. Мой контент про красоту, стиль, уют. Про то, как правильно наносить хайлайтер и почему патчи под глаза нужно хранить в холодильнике. Но две недели назад позвонил Лёша, мой менеджер, и голосом, не предвещавшим ничего хорошего, произнёс:

— Насть, тут ребята из «Гаража 17» вышли на нас. У них кастом-проект, флагманская модель. Хотят рекламу. Оплата хорошая, плюс тебе как раз не хватает контента в «мужском» стиле. Сделаешь?

— Кастом-проект? — переспросила я, отставляя чашку с капучино. — Лёш, это мотоциклы? Я в них разбираюсь примерно так же, как в квантовой физике.

— А тебе и не надо. Ты просто сними всё красиво. Твоя аудитория обожает такие контрасты: ты — красивая, ухоженная, а вокруг суровый мужской мир с маслом, железом и рёвом моторов. Они там всё подготовят, встретят, покажут. Твоё дело — улыбаться и снимать.

Я нахмурилась. Что-то в этой схеме меня смущало.

— Подожди. А почему они вообще ко мне пришли? Есть же технические блогеры, которые про мотоциклы рассказывают. Им это в сто раз ближе. Я бы на их месте отправила заявку какому-нибудь бородатому дядьке, который с закрытыми глазами разбирает карбюратор.

— В том-то и фишка, — Лёша понизил голос, как делал всегда, когда объяснял то, что считал гениальным маркетинговым ходом. — У «Гаража 17» кастомы — это эксклюзив. Ручная сборка, штучный товар. Их клиенты — люди с деньгами, которые покупают не технику, а стиль. Им не нужен обзор с цифрами про крутящий момент. Им нужно, чтобы мотоцикл выглядел как произведение искусства. А кто у нас главный эксперт по красоте и стилю? Правильно, ты. Ты для них — вход в аудиторию, которая никогда не откроет технический канал.

Я помолчала, переваривая. В этом был смысл. Неприятный, циничный, но смысл. Я для них не человек, а обёртка. Инструмент. Красивая кукла, которую поставят рядом с мотоциклом, чтобы товар выглядел дороже. Впрочем, я привыкла. За пять лет в блогинге к такому отношению вырабатывается иммунитет.

— Ладно, — вздохнула я. — Уговорил. Но если меня попросят надеть купальник и лечь на капот... я ухожу

— Насть, это мотоцикл. Там нет капота.

— Тем более.

Мастерская «Гараж 17» встретила меня запахом бензина, разогретого металла и старым рок-н-роллом из потрёпанного динамика. Я на секунду зажмурилась. В моём мире так не пахло. В моём мире пахло типографской бумагой глянцевого журнала, новыми флаконами духов и иногда перегретым ноутбуком. Респиратор, конечно, остался в машине. В этом мире я была гостьей, а гости здесь не дышат, они фотографируются.

Я включила камеру и улыбнулась в объектив своей фирменной улыбкой «я-милашка-и-рада-вас-видеть».

— Привет, мои хорошие! Сегодня я покажу вам то, от чего захватит дух! — пропела я голосом, от которого моя аудитория обычно приходила в экстаз.

Мой взгляд упал на мотоцикл. И вот тут я на секунду забыла, что я на работе. Кастом-проект «Т-9». Хромированные мышцы, чёрная кожа сиденья, бензобак цвета мокрого асфальта с тонкой серебряной полосой. Он был... хищным. Опасным. Красивым до чёртиков. Я уже представляла, как сяду на него, а подписчики завалят вопросами: «Ты правда умеешь на нём ездить?» Конечно, умею. Я же блогер, я умею всё. По крайней мере, на камеру.

— Даже думать забудь о том, чтобы к нему притронуться

Голос прозвучал за моей спиной, и он был пропитан таким холодом, что им можно было морозить продукты. Я резко обернулась, всё ещё пытаюсь удержать на лице улыбку.

Передо мной стоял мужчина. Светлые глаза смотрели тяжело, без всякого интереса. Так смотрят на бракованную деталь, которую забыли выбросить. Под глазами залегли такие тёмные круги, что мне тут же захотелось спросить, когда он спал в последний раз. Простая чёрная футболка, навсегда вьевавшиеся в пальцы следы масла. Огромный гаечный ключ в руке. Он держал его так, будто ключ был продолжением его самого. В моём мире мужчины носили айфоны и картхолдеры. В его — гаечные ключи.

— Здравствуйте, — я шагнула вперёд с протянутой рукой, всё ещё играя роль. — Анастасия. Мы созванивались с вашим менеджером. Меня должны были ждать.

Он посмотрел на мою руку так, как смотрят на бракованную деталь. Прогнозировал.

— У этого прототипа подвеска заточена под пилота от восьмидесяти килограммов. — Он окинул меня взглядом, каким, наверное, сканируют груз на таможне. — У тебя, предположу, шестьдесят.

— Пятьдесят пять, — поправила я, чувствуя, как щёки предательски загораются.

— Ещё хуже. На первой же кочке подвеска не отработает, и твоя тушка начнёт кувираться по трассе. Прощай, канал.

У меня внутри что-то щёлкнуло. Я, конечно, привыкла к тому, что меня воспринимают как картинку. Но «тушка»? Это было уже слишком.

— У меня не просто канал. У меня блог. Сто восемьдесят тысяч подписчиков. Я делаю контент про стиль жизни, — процедила я, всё ещё пытаюсь держать лицо.

— Я понял. А сколько из них купят мотоцикл после того, как ты свалишься? Ноль.

Я открыла рот. Закрыла. Но он уже шагнул к мотоциклу и, присев на корточки, начал осматривать заднюю подвеску с видом хирурга перед операцией

— Если хочешь сниматься на моём мотоцикле, будем перебирать пружину. Для этого мне нужно знать длину твоего бедра.

— Что, простите?! — мне показалось, что я ослышалась.

— Длину бедра, — спокойно повторил он. — От тазобедренного сустава до колена. Я инженер, я вижу цифры. У тебя, кстати, лицо сейчас цвета перегретого поршня. Тебе плохо?

— Мне не плохо! — вскипела я. — Я просто не привыкла, чтобы меня... меня...

— Мерили? Тогда привыкай. В мастерской все всё меряют. Я меряю тебя, чтобы ты не разбилась.

— Мне не нравится тон! — я уже почти кричала. — Обычно мужчины просят номер телефона, а не длину бедра. И говорят вежливо!

Он на секунду замер. Поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на усмешку. Даже не усмешка, а тень усмешки. Призрак.

— Номер телефона у меня уже есть. Его дал менеджер. А вот длины нет. Так что, Настя, будем мерить?

— Меня зовут Анастасия!

— А меня Виктор. И я не буду называть тебя по имени-отчеству, пока ты не перестанешь строить из себя звезду. Мы в мастерской. Здесь работают, а не снимают сторис.

Я сжала кулаки. В этот момент телефон завибрировал. Сторис, которую я включила по пути, набрала четыре тысячи просмотров за десять минут. Я сунула экран ему под нос.

— Четыре тысячи человек уже смотрят. А представь, сколько будет, когда я на него сяду. Виктор прищурился. Посмотрел на экран, потом на меня. Лицо осталось каменным.

— Четыре тысячи? А сколько из них купят мотоцикл? Хотя бы один?

Я моргнула.

— В том-то и дело. Ты делаешь красивые кадры. А я — мотоциклы. Безопасные. Такие, на которых ездят, а не фотографируются. — Он развернулся и пошёл вглубь мастерской. — Если хочешь снимать, иди за мной. Будем настраивать подвеску.

Я хотела уйти. Гордость требовала. Я представила, как сажусь в машину, уезжаю, а потом звоню Лёше и говорю: «Твой инженер — невоспитанный хам, ищи другого блогера». Но тут он бросил через плечо:

— Кофе здесь только из турки, и очень крепкий. Если хочешь капучино, попроси ассистента привезти.

Я замерла. Что-то в этих словах было. Он ждал, что я уеду. Но он также ждал, что я останусь.

Я смотрела ему в спину. Широкоплечий, чуть сутулый, с въевшимся в пальцы маслом. Из динамиков хрипел старый блюз. Мой взгляд зацепился за чёрно-белую фотографию у верстака — двое мужчин на фоне гаража. Один в шлеме, верхом на мотоцикле с коляской. Второй с гаечным ключом, улыбается в камеру. Что-то в этом снимке тронуло меня не как блогера, а как человека. Что-то настоящее, чего в моём мире почти не осталось. На снимке, была жизнь, которой я никогда не знала. Простой гараж, двое мужчин и мотоцикл, собранный своими руками. Не для глянцевого кадра. Для души.

И я пошла за ним.

Мастерская оказалась лабиринтом из мотоциклов, двигателей и стеллажей. Пахло бензином и калёным металлом. Запах, который через месяц станет для меня родным, но пока что я морщила нос и спотыкалась на каблуках. Мои туфли отчаянно скрипели на бетоне, протестуя против такого обращения.

Он завёл меня в закуток, отгороженный старым шкафом. Крошечный кабинет, везде разложены чертежи, пустые кофейные кружки, старенький ноутбук с тысячей вкладок. На самом видном месте фотография в рамке, та самая, с двумя мужчинами у гаража. Никаких других личных вещей. Только работа и этот снимок, как будто он нарочно оставил себе только то, что действительно важно.

— Садись на мотоцикл. Мне нужно посмотреть посадку.

Я перекинула ногу через сиденье. Руки вцепились в руль, плечи напряглись.

Он обошёл меня по кругу. Молча. Потом остановился.

— Плохо. Сними комбинезон. Верхнюю часть.

— Что?!

— Останешься в футболке. Мне нужно увидеть линию позвоночника. Через плотную ткань я ничего не пойму. — Он уже рылся в ящике, доставая прибор с лазером. — Я работаю.

Мои пальцы замерли на молнии комбинезона. Холодок пробежал по спине от того, что я сейчас останусь без своей брони. Комбинезон — мой образ, моя защита, моя роль. А под ним — простая белая футболка и я сама. Настоящая. Без фильтров. И я расстегнула молнию.

Ткань сползла с плеч. Вдруг стало зябко и неудобно, как будто сняли не комбинезон, а защитный слой. Он смотрел не как мужчина, а как диагност. И это почему-то успокаивало.

— Спину выпрями. Плечи расслабь. Подбородок выше.

Я попыталась. Тело не слушалось, оно привыкло сутулиться за ноутбуком.

Он подошёл ближе. Его шершавые пальцы коснулись моей спины. Одно прикосновение между лопаток. Второе — на поясницу.

— Вот здесь. Ты горбишься. Хронически.

Я вздрогнула. По спине побежали мурашки. Он не заметил, потому что уже водил лазерной указкой вдоль позвоночника, бормоча цифры

— Пятьдесят пять градусов. Если проедешь больше часа, спину не разогнёшь. — Он убрал прибор и посмотрел мне в глаза. — Настя, ты всегда так горбишься?

— Меня...

— Не надо. Я вижу: ты сидишь за компьютером целыми днями, плечи зажаты. Ты даже не замечаешь. — Он говорил без прежней жёсткости. — Это моя работа. Я вижу ошибки. Слезай и садись обратно. Будем исправлять.

Я слезла и снова села. Он подошёл вплотную, его руки легли поверх моих на руль.

— Не сжимай мёртвой хваткой. Руль — это продолжение твоих рук. Ноги на подножках. Расслабь плечи. Выпрями спину. Подбородок вверх.

Он касался меня уверенно, но бережно. Как настраивают дорогой инструмент. Я чувствовала его тепло, его запах — металл, бензин и что-то терпкое, мужское.

— Так, — сказал он, отступая. — Теперь ты готова.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Из отражения смотрела растерянная девушка. Я не узнавала себя. И от этого становилось страшно и одновременно интересно.

— А что дальше?

— Дальше учимся ездить. Через неделю. Мне нужно перебрать подвеску под твой вес. В следующую субботу, в восемь утра. И, Настя...

— Что?

— Захвати нормальные кроссовки. И не вздумай снимать.

Я выходила из кабинета и поймала себя на том, что улыбаюсь. Не в камеру. Просто так.

Я стояла в мастерской и смотрела, как механики работают. Их было трое — двое молодых парней и один пожилой мужчина с седой бородой. Они перебрасывались короткими фразами, почти не глядя друг на друга, но я чувствовала они понимают друг друга без слов. Как часовой механизм.

— Ты чего стоишь? — спросил меня старший механик, которого звали дядя Миша. Он вытер руки о ветошь и посмотрел на меня с любопытством. — Витька тебя что, выгнал

— Нет, — я улыбнулась. — Он говорит, что я должна привыкнуть к запаху.

— Привыкнешь, — он усмехнулся. — Мы все привыкли. Я сорок лет здесь. Сначала пахло бензином, думал, с ума сойду. А теперь без этого запаха не могу. Как без воздуха

Я посмотрела на его руки. Пальцы были чёрными от масла, с глубокими трещинами.

— Вы тоже инженер? — спросила я.

— Я? — он рассмеялся. — Я механик. Разница большая. Инженер считает, придумывает. А я — руками. Чувствую. — Он посмотрел на мотоцикл, над которым работал. — Вот эта рама. Я её варил три дня. Каждый шов, как строчка. Если ошибёшься — всё переделывать.

Я смотрела на его руки и думала: «Он говорит о своей работе так же, как Виктор. С той же страстью».

— А ты, — он посмотрел на меня, — ты кто?

— Блогер, — сказала я и сразу пожалела.

Он нахмурился.

— Это та, которая в телефоне снимает?

— Да

Он покачал головой.

— Странное дело. — Он отвернулся к мотоциклу. — Но раз Витька тебя пустил, значит, ты нормальная. Он у нас мужик чёткий. Дурных не держит.

Я улыбнулась. И вдруг почувствовала, что здесь, в этой мастерской, я не чужая. Просто ещё не своя.

Глава 2. Кофе, чебуреки и пустырь

Следующая суббота началась для меня в шесть утра. Я стояла перед зеркалом, вертя в руках термос с капучино, и думала: «Зачем я это делаю?» Ответа не было. Вернее, был, но признаваться себе в нём не хотелось. Он прятался где-то глубоко, за всеми слоями тонального крема и отрепетированных улыбок, и боялся выйти на свет. Потому что одно дело прийти в мастерскую ради контента. И совсем другое прийти в субботу в восемь утра ради человека, который даже не попросил мой номер телефона.

Я приехала к мастерской ровно в восемь. В кроссовках, джинсах, лёгкой куртке. Никакой косметики, кроме туши. Волосы в обычный хвост. В одной руке термос с капучино для себя. В другой чёрный кофе без сахара для него. Понятия не имею, зачем я это сделала. Наверное, чтобы доказать, что я не просто звезда, которая ждёт, когда ей привезут капучино.

Виктор ждал у входа с поднятыми воротами. Он был без обычной промасленной футболки, а в простой серой. Выглядел моложе. И, кажется, спал больше обычного. Когда я подошла, он не поздоровался, но его взгляд скользнул по моим кроссовкам, потом по термосам в руках, и уголок губ едва заметно дрогнул, кажется, проверку я прошла.

— Надеюсь, ты спала и видела во сне, как я настраиваю твой мотоцикл, — сказал он, всё ещё не глядя мне в глаза.

— Доброе утро тебе тоже, — я протянула термос. — Кофе. Чёрный, без сахара. От склероза.

Он взял термос, покрутил в руках так, будто это была деталь, которую он не знал, куда пристроить. Потом всё-таки открыл, сделал глоток и на секунду прикрыл глаза. Что-то промелькнуло в его лице, конечно, не благодарность, но что-то близкое.

— Сегодня теория, — сказал он, возвращаясь внутрь мастерской. — Ты не сядешь на мотоцикл, пока не расскажешь мне, где у него сцепление и газ.

— Я знаю, где они! — возмутилась я, шагая следом.

— Покажешь.

Мы зашли в его закуток. Он включил старенький ноутбук, и на экране появилась схема мотоцикла в разрезе, нарисованная явно его рукой.

— Смотри. Это двигатель. Это трансмиссия. Это система охлаждения. — Глаза его загорелись, когда он начал объяснять. — Главное, что ты должна понять - всё начинается с твоего движения. Когда ты нажимаешь на газ, ты запускаешь целую цепочку. Топливо поступает в цилиндр, поршень сжимает смесь, искра поджигает...

Он рассказывал про поршни и клапаны, про крутящий момент и передаточные числа. И мне это было совершенно неинтересно. Но то, с какой страстью он говорил, с каким огнём в глазах — это завораживало. Я смотрела на него и думала: «Вот он — человек, который нашёл себя. Настоящий. Цельный. Он делает то, что любит, и ему плевать, сколько у него подписчиков. А кто я? Девушка, которая улыбается за деньги?»

— Виктор, — перебила я, когда он сделал паузу.

Он замолчал на полуслове.

— Ты всегда такой серьёзный?

Он моргнул. Отвёл взгляд. Потом снова посмотрел на меня.

— Я на работе.

— А где у тебя нерабочая жизнь? — я откинулась на спинку стула, разглядывая его. — Ты же не ночуешь здесь. Или ночуешь?

Он помолчал. Потом закрыл ноутбук. Посмотрел на часы.

— Ты голодная? — спросил он неожиданно.

— Вообще-то да.

— Идём. Здесь за углом чебуречная. Кормят как дома. И не вздумай снимать там.

Он поднялся и первым вышел из кабинета. Я улыбнулась и пошла за ним. Потому что в его голосе, в самой интонации этого короткого «идём», я услышала что-то новое. Не раздражение. Не приказ. Что-то, похожее на приглашение.

Чебуречная оказалась крошечной, с липкими столиками и советским кафелем на стенах. Пахло жареным тестом и специями. За прилавком стояла полная женщина в фартуке, которая, увидев Виктора, расплылась в улыбке.

— Витенька! — всплеснула она руками. — Опять один? Ой, нет! — она заметила меня и замерла. — Никак с девушкой?

— Это по работе, тётъ Зин, — буркнул он, краснея.

— По работе, как же, — хмыкнула она и подмигнула мне. — Я сорок лет в общепите, Витенька, я разные «по работе» видала.

Я едва сдержала смех. Виктор побагровел.

Он взял мне один чебурек, а себе три и компот. Мы сели за угловой столик.

— Дискриминация, — заметила я, кивая на его тарелку.

— Мне нужно много калорий. Я целый день на ногах.

Мы ели молча, но это молчание было уютным, почти домашним. Я смотрела, как он аккуратно, даже педантично, откусывает чебурек, и думала, что никогда не видела мужчину, который ест так... так основательно. Как будто каждое действие имеет значение.

— Виктор, — спросила я, отодвигая тарелку. — У тебя есть семья?

Он отложил вилку. Вытер руки салфеткой. Ответил не сразу.

— Мама. В другом городе. А так один.

— И не одиноко?

— Скучно, — поправил он, чуть подумав. — С мотоциклами не поговоришь по душам.

— А я думала, ты с ними разговариваешь, — улыбнулась я.

Он изучающе посмотрел на меня. И вдруг улыбнулся в ответ. Улыбка у него оказалась неожиданно искренней, почти мальчишеской.

— Иногда, — признался он тихо. — Когда никто не видит. Я представляю человека, который будет сидеть на этом мотоцикле. Думаю, как ему должно быть удобно. Как он будет чувствовать дорогу.

— И ты представлял меня? — спросила я, зачем-то затаив дыхание.

Он молчал три секунды. Опустил глаза, потом снова поднял.

— Да. Представлял.

Внутри у меня что-то перевернулось. Что-то тёплое и острое одновременно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.